

A man and a woman are seen from behind, sitting on a ledge and looking out over a vibrant city at night. They are both wearing black leather jackets. The city lights are blurred in the background, creating a bokeh effect. The man is on the left, and the woman is on the right.

Виктория Новикова

Любой ценой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Новикова

Любой ценой

«Автор»

2026

Новикова В. Е.

Любой ценой / В. Е. Новикова — «Автор», 2026

Семнадцатилетний Алекс Хэнкс ведёт двойную жизнь: днём он — незаметный школьник, а ночью — хакер по кличке Призрак. Но однажды его тайный мир сталкивается с реальным, и на кону оказывается всё, что ему дорого. Теперь, чтобы выжить, Алекс должен довериться загадочной Авроре — девушке с крыши, у которой есть свой смертельно опасный секрет...

© Новикова В. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Любой ценой	6
Глава 3. «У Ларса»	17
Глава 4. Дурацкая бордовая футболка	28
Глава 5. Невидимый	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Любой ценой

Глава

Любой ценой

Любой ценой

Автор: Виктория Новикова

Россия, г.Казань, 2026г

Семнадцатилетний Алекс Хэнкс ведёт двойную жизнь: днём он — незаметный школьник, а ночью — хакер по кличке Призрак. Но однажды его тайный мир сталкивается с реальным, и на кону оказывается всё, что ему дорого. Теперь, чтобы выжить, Алекс должен довериться загадочной Авроре — девушке с крыши, у которой есть свой смертельно опасный секрет...

Дорогой читатель!

История Алекса и Авроры родилась из мысли о том, как далеко мы готовы зайти ради любви и какую цену заплатить за безопасность близких. Это роман о взрослении, которое происходит не в школьных коридорах, а под светом неоновых вывесок и в тишине заброшенных станций метро.

Мои герои не хотели уходить — они требовали продолжения, спорили со мной и жили своей жизнью. Надеюсь, они станут живыми и для вас.

Я буду рада, если эта история найдёт отклик в вашем сердце.

С уважением,

Виктория

ГЛАВА

1: " Крыша "

Тишину моего подвала разрывал только ровный гул системного блока. На мониторе плясали строчки кода, словно солдаты, встроенные для последней атаки. Я чувствовал себя дирижёром невидимого оркестра, чья музыка была слышна лишь мне. В школе я был Алексом Хэнксом- серым ,ничем не Примечательным старшекласником, который всегда сидит на задней парте и боится ,что его вызовут к доске.

А здесь, в синем цвете экрана я был - Призраком.

Пальцы привычно стучали по клавиатуре. Ещё несколько команд и я проникну в защищённую сеть одного столичного банка. Не для воровства. Просто чтобы доказать, что могу. Это был мой личный вызов,мой единственный способ почувствовать себя живым, пока вокруг все думали о предстоящих экзаменах и о выпускном.

Внезапно на личный чат пришло сообщение с зашифрованного канала: " Призрак, ты сейчас пытаешься взломать "Восточный Феникс? Остановись, за тобой следят". Ледяная волна прокатилась по спине. Я отшатнулся от клавиатуры, как от раскаленного железа. За мной? Следят? Как они могли выйти на меня? Я ведь был осторожен.

Сверху, из кухни донёсся голос м

амы: " Алекс, иди кушать!" Мир который секунду назад был у меня на ладони, вдруг съёжился на размер крупинки. Кто-то невидимый ,как и я сам , смотрел на меня из темноты.

Я резко хлопнул крышкой ноутбука. В наступившей тишине собственное дыхание казалось оглушительным. Нужно было переварить произошедшее. Отодвинувшись от стола, я на негнувшихся ногах поднялся и пошел наверх, стараясь, чтобы шаги звучали обычно.

Запах жареного лука ударил в нос.

—

Сынок, у тебя все в порядке? Ты бледный какой-то.

—

Да, мам, все замечательно, — я натянул улыбку, разминая шею. — Засиделся просто. Сегодня на тренировку по баскетболу, буду осваивать новую технику броска. (Нужно не показывать страх, иначе она будет нервничать и допрашивать меня как в каком-то детективе).

Моя мать Лейла Феникс бывший следователь по особо важным делам. 2 года назад она вышла на след одного очень крупного медийного чиновника Романовского. Ей пришлось выйти в отставку из-за этого, шишки этого чиновника вышли на неё и начали шантажировать, чтоб она не рыла яму под него, иначе они выроют яму ей и мне в буквальном смысле. После этого инцидента все замаяли, удалили улики, теперь работает консультантом в маленькой юридической конторе.

Отца у меня нет, если честно я и не помню его совсем, возможно я был совсем мал.

Мы не знаем где он и что с ним. Мама никогда не поднимала эту тему.

Мама: — здорово! После тренировки иди сразу домой, не задерживайся до поздна, люблю тебя! Чмокнула в лоб —хорошо..

мне 17 лет, она печётся обо мне как о маленьком, после того случая с Романовским она ограничила мне свободу. Теперь я должен приходить рано, не то чтобы я хочу гулять до поздна, но гиперопека напрягает. На тренировку я не пошёл.

Ноги сами вынесли меня к старой шестнадцатиэтажке на окраине — заброшенному офисному зданию. Охраны не было, замок на пожарной лестнице болтался на одном шурупе. Я поднимался по бетонным ступеням, и каждый шаг отдавался эхом в пустых пролётах. Здесь меня никто не найдёт. Здесь можно дышать.

Крыша встретила ветром — резким, пахнущим дождём, хотя туч не было. Я сделал шаг к своему обычному месту у парапета и замер.

На краю, свесив ноги в пустоту, сидела девушка.

Ветер трепал тёмные волосы, выбившиеся из небрежного пучка. На ней была кожанка на размер больше, потёртые джинсы, на запястье — пара кожаных шнурков с мелкими бусинами. Она не обернулась, только чуть наклонила голову — слушала мои шаги.

— Если хочешь прыгнуть, займи очередь, — сказала она. Голос был спокойным, с хрипотцой, как у человека, который долго молчал. — Здесь только одно место.

Я замер.

— Я не прыгать. Я просто...

— Подумать, — закончила она за меня. — Все так говорят. — Она похлопала ладонью по бетону рядом с собой. — Садись. Только не читай нотации про «это опасно». Терпеть не могу.

Я колебался. Чужой человек на моём месте. Но что-то в её позе — расслабленной и напряжённой одновременно, как у кошки, которая притворяется спящей, — заставило меня подойти и сесть рядом.

Город внизу дышал. Цепочки фар ползли по магистралям, неоновые вывески пульсировали в такт чьему-то чужому ритму. Отсюда всё казалось ненастоящим.

— Ты часто сюда ходишь? — спросила она.

— Когда нужно сбежать.

— От кого?

Я помолчал.

— От мамы. От школы. От себя.

Она хмыкнула — не насмешливо, а понимающе.

— Хороший ответ. Честный.

И тут она повернулась. Свет упал на лицо.

Я вдруг понял, что не дышу. Глаза светлые — почти прозрачные, как выгоревшее на солнце стекло. Нос тонкий, вздёрнутый, будто ей всё время смешно. Губы пухлые — нижняя чуть полнее верхней, и когда она говорила, они двигались мягко, неспешно, и я поймал себя на том, что смотрю именно на них, хотя она вроде что-то спрашивала.

На переносице и скулах сидели бледные веснушки — еле заметные, как будто их нарисовали и наполовину стёрли. Я почему-то представил, как провожу по ним пальцем, и от этой мысли внутри всё сжалось. Не в голове — ниже. В животе. И ещё ниже.

От неё пахло чем-то тёплым — не духами, а просто кожей, нагретой ветром. Она сидела близко, ближе, чем сидят незнакомцы, и её плечо почти касалось моего. Я чувствовал тепло, которое шло от неё сквозь рукав её дурацкой кожанки. И чувствовал, как мои ладони становятся влажными.

— Меня зовут Аврора, — сказала она. — Сбегаю от босса, который думает, что я сейчас на совещании.

— А ты на самом деле?..

— На крыше. Смотрю на звёзды. — Она откинула голову и посмотрела в небо. Звёзд почти не было — город съедал их своим светом. — Когда долго работаешь с цифрами, забываешь, что небо — оно настоящее. Не пиксельное.

Она говорила, а я просто смотрел, как двигаются её губы, и не мог сосредоточиться ни на одном слове. Внизу живота тянуло — знакомо, неловко, как по утрам, когда ещё не

проснулся толком, а тело уже живёт своей жизнью. Я незаметно одёрнул футболку, надеясь, что она ничего не заметит.

— Кем ты работаешь? — спросил я, просто чтобы что-то сказать.

— Консультантом по кибербезопасности. Скука смертная. Проверяю чужие сети на дыры, пишу отчёты, делаю вид, что мне не плевать. А ты?

Я замялся.

— Школьник.

Она повернулась ко мне. Взгляд — цепкий, оценивающий, но без враждебности.

— Школьник, который лазает по чужим сетям в три часа ночи, — сказала она. — Угадала?

Внутри всё сжалось.

— С чего ты взяла?

— У тебя на экране был терминал. Я видела, когда ты поднимался. Свет от лестницы.

Я сунул руку в карман. Телефон был заблокирован.

— Расслабься, — она хмыкнула. — Я не из полиции. Мне плевать, кто ты и что ты делаешь. Мы сюда пришли не для допросов.

Она отвернулась к городу. Пауза затянулась. Ветер швырнул в лицо мелкую пыль. Я должен был встать и уйти — и, наверное, так бы и сделал, если бы она не добавила:

— У меня тоже есть место, куда я хожу, когда страшно. Только моё — не крыша. Моё — под землёй. Зброшенная станция метро, которую закрыли лет двадцать назад. Там тихо, как в могиле. И никто не найдёт.

— Почему ты мне это рассказываешь?

— Потому что ты похож на человека, который никому не рассказывает. — Она пожала плечами. — Как я. Иногда проще выговориться незнакомцу, правда? С ним нет прошлого. Нет обязательств. Только здесь и сейчас.

Я смотрел на неё. Ветер играл с прядями волос, город шумел внизу, и впервые за последние сутки я почувствовал что-то, кроме страха. Что-то похожее на облегчение.

— Меня зовут Алекс.

— Я знаю.

— Откуда?

Пауза. Ровно секунда — но какая-то неправильная секунда.

— Ты сам сказал. Только что.

— Нет. Я не говорил.

Ещё одна пауза. Ветер донёс запах дождя. Где-то вдалеке сверкнула молния.

— Значит, показалось, — сказала она легко, но взгляд от моего отвела.

Я должен был зацепиться за это. Должен был спросить ещё раз. Но она вдруг встала — одним плавным, кошачьим движением — и отряхнула джинсы. Свет фонарей скользнул по её лицу, на мгновение осветив веснушки.

— Мне пора. Босс будет злиться. — Она сделала пару шагов к лестнице и обернулась.

— Слушай, Алекс. Если захочешь ещё поговорить — я бываю здесь по средам. Или...

Она достала из кармана маркер, взяла мою руку и написала на запястье номер. Цифры мелкие, неровные. Пальцы у неё были тёплые, и от этого прикосновения по коже побежали мурашки. Я надеялся, что она не заметила.

— Или позвони. Когда будет страшно.

Она ушла. Шаги стихли в лестничном пролёте. Я остался один на крыше, с номером на запястье и двумя вопросами, которые кололись где-то под рёбрами.

Откуда она знает моё имя?

И второй — тот, который я даже боялся сформулировать:

Почему мне так сильно хочется ей позвонить?

Спортзал пах потом и резиной. Кроссовки скрипели по лакированному полу, мяч глухо стучал — сначала в доску, потом в кольцо, потом в пол. Я отрабатывал бросок с трёхочковой. Вернее, пытался.

— Хэнкс, ты сегодня спишь на ходу! — крикнул тренер. — Ещё раз мимо — и бежишь пять кругов!

Я кивнул, прицелился. Мяч ушёл влево и даже не задел кольца.

— Пять кругов, Хэнкс!

Я побежал. Ноги гудели, дыхание сбивалось, но голова наконец прояснилась. Бег — это тупо и просто. Ставишь одну ногу, потом другую. Не думаешь ни о чём. Ни о «Восточном Фениксе», ни о зашифрованных каналах, ни о сообщении без подписи.

Ни о светлых глазах и бледных веснушках.

Я пробежал круг и понял, что думаю именно о них. О том, как она написала номер на запястье. О том, что маркер до сих пор не стёрся — я специально мыл руки осторожно. Идиот.

— Хэнкс, ты покраснел! — крикнул кто-то из ребят. — Влюбился, что ли?

— Отвали, — буркнул я и прибавил скорость.

Третий круг. Четвёртый. Сердце колотилось где-то в ушах. Пятый круг я пробежал быстрее всех.

Номер на запястье почти исчез. От маркера остались только бледные разводы — семь-три-девять на последних цифрах, остальное уже не разобрать. Но я и так помнил. Всё помнил.

Два дня я не звонил. Убеждал себя, что это глупо. Она старше, она работает на каких-то там дядь, у неё своя жизнь, а я школьник, который даже бросок с трёхочковой нормально не кладу. Мы с разных планет.

На третий день я сдался.

Был вечер. Мама ушла к подруге — сказала, вернётся поздно, чтобы не ждал. Я сидел в подвале, но ноутбук не включал. Просто сидел в темноте и крутил телефон в руке.

Экран загорался, гас, снова загорался. Я открывал список контактов, набирал первые три цифры, стирал. Опять набирал. Блокировал телефон. Клал на стол. Брал снова.

— Да блин, — сказал я вслух.

В тишине подвала голос прозвучал глухо и жалко. Я представил, как это выглядит со стороны, и мне стало смешно. Здоровый семнадцатилетний парень боится позвонить девушке. Не вломиться в банковский сервер, не пройти мимо мамы с её детектором лжи, а просто нажать кнопку вызова.

Я набрал номер целиком. Палец завис над зелёной трубкой.

Она сказала: «Позвони. Когда будет страшно».

Мне не было страшно. Мне было... я даже не знал, как это называется. Как будто внутри завели мотор, а ключ не вытащили. Всё гудело и дрожало.

Я нажал.

Гудок. Второй. Третий. Я уже хотел сбросить — и тут щелчок.

— Да? — Голос был спокойный, но не сонный. Как будто она ждала звонка. Может, не моего, но ждала.

Я открыл рот. Закрыл. В горле пересохло.

— Алло? — снова она, уже с лёгким раздражением.

— Привет. Это Алекс.

Пауза. Маленькая, но я успел представить всё: что она меня не помнит, что номер дала из вежливости, что сейчас скажет «извини, я занята» и повесит трубку.

— Алекс с крыши? — спросила она.

— Он самый.

И тут она засмеялась. Негромко, но как-то тепло. У меня внутри всё перевернулось.

— Ну наконец-то, — сказала она. — Я уж думала, ты никогда не позвонишь. Обидно было бы.

— Почему обидно?

— Потому что я редко даю свой номер. Тем более на крыше. Тем более маркером.

Я улыбнулся. В темноте подвала улыбка получилась дурацкая, но никто же не видел.

— Я думал, ты забыла, — сказал я.

— Я ничего не забываю. — Она сказала это без кокетства, просто как факт. — Ты как? Живой?

— Живой. А ты?

— Тоже. Сажу на работе, делаю вид, что занята. Босс сегодня злой как чёрт. Пришлось спрятаться в серверной.

— Ты сейчас в серверной?

— Ага. Тут холодно и шумно, но зато никто не заходит. Идеальное место для разговора.

Я представил её там: среди гула серверов, в этой своей кожанке, с телефоном у уха. Представил светлые глаза в полутьме. Внизу живота потянуло — как тогда, на крыше.

— Слушай, — сказал я, — а ты правда консультант по безопасности?

Пауза. На этот раз подлиннее.

— А кем ещё я могу быть?

— Не знаю. Ты просто... слишком много знаешь. Для консультанта.

— Может, я хороший консультант.

— Может. А может, нет.

Она не ответила. В трубке слышался только гул — серверный, не уличный. Я представил, как она улыбается своей кривой улыбкой и решает, что мне можно рассказать, а что нет.

— Алекс, — сказала она наконец, — давай встретимся. Не на крыше. В нормальном месте. Завтра вечером. Сможешь?

Сердце стукнуло два раза — быстро, подряд.

— Смогу. Где?

— Есть одно кафе на набережной. «У Ларса». Там варят кофе, от которого не спишь трое суток, и подают дурацкие круассаны с шоколадом. В восемь. Идёт?

— Идёт.

— И Алекс.

— Да?

— Не копай под меня. Пока. Сам понимаешь.

Она отключилась. Я остался сидеть в темноте, с телефоном в руке, и чувствовал, как внутри разливается что-то горячее и немного опасное.

Она сказала «пока». Не «вообще не копай». А «пока».

Я отложил телефон. Выдохнул. Улыбка всё ещё сидела на лице, и я ничего не мог с ней поделать.

Завтра. В восемь. «У Ларса».

Я понял, что до завтра не усну.

—

Глава 2: Тридцать шесть тысяч секунд

Утро началось с того, что я проспал.

Телефон пищал уже минут десять, но я лежал, уткнувшись лицом в подушку, и пытался удержать остатки сна. Снилось что-то хорошее — кажется, крыша, ветер, светлые глаза. Детали таяли быстрее, чем я их ловил.

— Алекс! — голос мамы из-за двери. — Ты опоздаешь!

— Встаю, — прохрипел я.

За окном было серо и мокро. Ночью прошёл дождь, и улица блестела, как свежесмытый код. Я сел на кровати, потёр лицо. Восемь утра. До вечера — целая вечность.

В ванной я долго стоял под горячей водой, пытаюсь проснуться. Запястье ещё хранило слабый след маркера — три последние цифры, семь-три-девять. Я провёл по ним пальцем. Не смывать. Пусть останутся.

— Алекс, ты там утонул? — снова мама.

— Иду!

Школа встретила привычным гулом. Коридоры, раздевалка, чей-то рюкзак под ногами. Я шёл сквозь толпу, как обычно, — серый, невидимый, никто не толкал, но никто и не здоровался. Раньше меня это бесило. Сегодня — нет. Сегодня у меня было кое-что поважнее.

Первый урок — физика. Мистер Ковальски монотонно рассказывал про законы Ньютона, и его голос сливался в ровный гул, как системный блок. Я смотрел в окно.

Там ветер гнал облака, и они цеплялись за верхушку той самой шестнадцатиэтажки. Нашей шестнадцатиэтажки.

— Хэнкс, — окликнул Ковальски. — Может, поделитесь с классом, о чём вы так увлечённо думаете?

— О гравитации, сэр.

Класс хмыкнул. Ковальски прищурился, но отстал.

На самом деле я думал о том, что до восьми вечера оставалось ещё десять часов. Десять часов — это шестьсот минут. Тридцать шесть тысяч секунд. Я считал их, как строчки кода, которые нужно выполнить, одну за другой, чтобы добраться до финала.

На большой перемене ко мне подсел Дэн — мой единственный приятель, с которым мы иногда играли в приставку.

— Ты какой-то странный последние дни, — сказал он, разворачивая бутерброд. — То летаешь, то спишь на ходу. Что происходит?

— Ничего.

— Ага, конечно. — Он откусил бутерброд и посмотрел на меня с видом детектива. — Ты познакомился с кем-то?

Я чуть не подавился соком.

— С чего ты взял?

— У тебя лицо другое. Как у человека, который ждёт чего-то. И ты перестал смотреть в телефон каждые пять секунд. Раньше ты только и делал, что сидел в этом своём чате или что у тебя там.

Я пожал плечами. Дэн был хорошим парнем, но рассказывать ему про Аврору я не собирался. Она была из другого мира. Не из того, где бутерброды и приставка.

— Просто не выспался, — сказал я. — Экзамены скоро.

— Ну-ну. — Он не поверил, но допрашивать не стал. За это я его и ценил.

На истории я почти заснул. На литературе — тупо смотрел в учебник, не различая букв. Время тянулось, как жвачка. Каждая минута была длиннее предыдущей.

После уроков я пошёл на тренировку. Сегодня тренер не орал — наоборот, похвалил за точность. Я попал все три из трёх, потом ещё два подряд. Руки работали сами, голова была где-то далеко.

— Молодец, Хэнкс, — сказал тренер. — Если так пойдёт, возьму тебя на городские. Что с тобой случилось?

— Просто хороший день, сэр.

Хороший. И одновременно — бесконечный.

Дома я зашвырнул рюкзак в угол и рухнул на кровать. До восьми оставалось два часа сорок минут.

Два часа сорок минут. Я мог бы ещё раз проверить тот зашифрованный канал. Мог бы поискать информацию об Авроре — фамилию, профиль в сети, что угодно. Но что-то меня останавливало. Она сказала: «Не копай под меня. Пока». И я чувствовал — если начну копать сейчас, то найду то, что мне не понравится. А я хотел, чтобы этот вечер был просто хорошим. Хотя бы один.

Я встал, подошёл к шкафу. Футболки лежали стопкой — чёрная, серая, синяя, ещё одна серая. Я перебрал их все. Чёрная — слишком мрачно. Синяя — как на школьную дискотеку. Серая... серая — это цвет моей обычной жизни. Цвет мыши. Нет уж.

Я нашёл в глубине полки старую бордовую футболку. Надевал её раза два. Посмотрел в зеркало — вроде нормально. Сверху накинул толстовку, ту, что без надписей.

Джинсы. Не те, что на тренировку, — чистые. Кроссовки — не самые убитые.

Я снова глянул в зеркало. Парень напротив был всё тем же Алексом Хэнксом, но глаза у него блестели иначе.

Из гостиной пахло ужином. Мама что-то жарила. Я зашёл на кухню, стараясь выглядеть обычно.

— Я сегодня вечером гуляю. С другом.

Мама обернулась. Сковородка шипела, но она смотрела не на неё — на меня. Пауза.

— С каким другом?

— С Дэном. Мы в кафе хотим посидеть. «У Ларса», на набережной.

Она вытерла руки полотенцем. Медленно.

— «У Ларса» — это приличное место. Я там бывала когда-то. — Она помолчала. — Во сколько вернёшься?

— К десяти. Может, чуть позже.

Ещё одна пауза. Её глаза сканировали моё лицо, и я знал, что она видит больше, чем мне хотелось бы.

— Алекс, — сказала она тихо.

— Мам.

— Ты помнишь, что я тебе говорила?

— Помню. Если станет страшно — приду к тебе.

Она кивнула. Потом вдруг улыбнулась — не следовательской улыбкой, а просто маминой.

— Бордовая футболка тебе идёт. Давно её не доставал.

Я почувствовал, как краснею, и быстро вышел в коридор. За спиной мама тихо засмеялась.

До восьми оставался час. Я вышел из дома за сорок минут — чтобы не опоздать, чтобы пройтись, чтобы ветер выдул из головы лишние мысли.

Город был мокрым после дождя. В лужах отражались фары и неон. Я шёл к набережной и чувствовал, как внутри всё натягивается — как струна перед аккордом.

«У Ларса». Восемь вечера. Аврора.

Я не знал, что будет дальше. Не знал, кто она на самом деле. Но в этот вечер, под мокрым небом и светом фонарей, я готов был об этом забыть.

Глава 3. «У Ларса»

Кафе «У Ларса» пряталось в цокольном этаже старого кирпичного дома на набережной. Никакой вывески — только маленькая латунная табличка у двери и жёлтый свет из окна наполовину под землёй. Если не знаешь — пройдёшь мимо. Я знал. Дэн как-то таскал меня сюда после тренировки.

Я пришёл на десять минут раньше. Занял столик у окна — оно выходило прямо на набережную, и видно было, как по тёмной воде бегут огни. Внутри пахло кофе и корицей, где-то тихо играл джаз. Заказал два капучино — не придумал ничего умнее.

— Ты уже кого-то ждёшь или просто медитируешь на пенку? — раздалось над ухом.

Я вздрогнул. Аврора стояла у столика и улыбалась своей кривой улыбкой. Сегодня без кожанки — в мягком сером свитере с высоким горлом. Волосы распущены, длиннее, чем я думал. На плече висела сумка с маленькой нашивкой в виде феникса — тогда я не придавал этому значения.

— Жду, — сказал я. — Кофе уже заказал.

Она села напротив, подвинула чашку, понюхала.

— Капучино. Классика. — Глоток. — Угадал.

Я выдохнул.

— Ты рано пришёл, — сказала она.

— Ты тоже. Без десяти восемь.

— Я люблю приходить первой. Контролировать пространство. — Она обвела взглядом кафе. — Но ты меня опередил. Плюс тебе.

— Я не знал, что мы считаем плюсы.

— Я считаю. Всегда.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела на меня — прямо, изучая. Я почувствовал себя кодом, который она читает.

— Что? — спросил я.

— Ничего. Просто в прошлый раз было темно. Ты выглядишь моложе.

— Мне семнадцать.

— Я знаю. Но на крыше ты казался старше.

Я хотел спросить «откуда ты знаешь, сколько мне лет», но вспомнил, что она и так знает слишком много. Решил не начинать.

— А тебе сколько?

— Девятнадцать. Рано закончила школу, экстерном. Родители-карьеристы. Скучная история.

— Звучит довольно интересно.

— Звучит — да. Жить так — нет. — Она отвела взгляд, и на секунду её лицо стало жёстким. Но тут же снова улыбнулась: — Ладно, Алекс-с-крыши, рассказывай. Не взламывал банки?

— Неделю. Почти.

— Почти?

— Да так. Ничего серьёзного.

Я не стал рассказывать, что пытался отследить отправителя того сообщения. И что у меня не получилось.

— Ты умный, Алекс. У тебя хороший стиль — чистый. Кто тебя учил?

— Никто. Сам.

— Так не бывает.

— Ну... может, отец.

Слова вырвались прежде, чем я успел их остановить. Аврора подняла бровь.

— Отец?

— Я его не помню. Он исчез, когда я был маленьким. Но мама говорила, что он работал с компьютерами. Может, у меня это от него.

Аврора смотрела на меня странно. Не с жалостью — с чем-то другим, чего я не мог разобрать.

— А твоя мама? — спросила она. — В курсе, чем ты занимаешься по ночам?

— Она бывшая из полиции. Следователь.

Ложка в её руке на секунду замерла. Но тут же снова пришла в движение.

Интересная у вас семья.

— Ага. Только я ей не рассказываю. Про подвал. Про код. Про всё это.

— Почему?

— Потому что она начнёт действовать. А я не хочу, чтобы она действовала. Она уже однажды влезла в неприятности. Из-за меня она не должна больше рисковать.

Аврора кивнула.

— Понимаю. Знаешь, Алекс, мне кажется, мы с тобой похожи больше, чем ты думаешь.

— Чем?

— Мы оба прячемся. Ты — в подвале. Я — в серверной. Ты — от мамы. Я — от босса. У тебя есть Призрак, у меня... — Она осеклась.

— У тебя что?

— У меня есть ты, — сказала она.

Я не нашёлся, что ответить. Внутри что-то перевернулось и встало на место.

За окном шёл дождь. Капли стучали по стеклу. Бармен сменил музыку — теперь играло что-то фортепианное. Мы остались почти одни.

— Хочешь ещё кофе? — спросил я.

— Хочу. Но если я выпью ещё один, то не усну до утра.

— Я тоже.

— Тогда давай.

Я заказал ещё два капучино. Когда бармен принёс чашки, Аврора обхватила свою ладонями, как будто грелась.

— Алекс, а что ты будешь делать после школы?

— Не знаю. Поступлю куда-нибудь.

— Это скучно. Ты уже программист. Тебе не нужен диплом, чтобы писать код. — Она подняла глаза. — Тебе нужно что-то ещё.

— Что?

Что-то настоящее. Ради чего стоит рисковать.

— Как «Восточный Феникс»?

— Например.

— Но ты же сама сказала — остановись.

— Я сказала «остановись» не потому, что это плохая идея. А потому, что ты лез туда один и без подготовки. — Она наклонилась ближе: — «Восточный Феникс» — это очень серьёзная структура. Если хочешь в это лезть — нужно знать правила игры. И иметь надёжного партнёра.

— Ты предлагаешь себя?

— А ты видишь здесь кого-то ещё?

Она смотрела в упор. Светлые глаза не мигали.

— Я подумаю, — сказал я.

— Думай. — Она откинулась на спинку. — А пока расскажи что-нибудь простое. Что ты любишь есть? Какую музыку слушаешь? Друзья есть?

— Один. Дэн.

— И всё?

— Мне хватает.

— А девушка?

Я отпил кофе. Спокойно, без спешки. Поставил чашку.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что я не ищу кого попало.

Она чуть приподняла бровь. Уголок губ дёрнулся вверх.

— Ого. Уверенно.

— А ты? — спросил я. — Парень есть?

— Я первая спросила.

Я ответил. Теперь ты.

Она посмотрела на меня долгим взглядом — оценивающим, но не холодным. Как будто прикидывала, стою ли я честного ответа.

— Нет, — сказала она. — Никого.

И улыбнулась своей кривой улыбкой.

Мы просидели до закрытия. Бармен начал гасить свет, и мы вышли под дождь — мелкий, почти невесомый.

— Спасибо за кофе, — сказала Аврора, поднимая воротник. — И за разговор.

— Тебе спасибо. За то, что не спрашиваешь лишнего.

— Я и так знаю всё, что мне нужно.

— Откуда?

Она шагнула ближе и вдруг провела пальцем по моему запястью — там, где ещё держался след от маркера.

— Когда-нибудь я тебе расскажу. Но не сегодня.

Развернулась и пошла вдоль набережной. Дождь съедал её силуэт, и через минуту я уже не был уверен, была ли она вообще.

Я стоял под фонарём, смотрел на тёмную воду и чувствовал, как внутри всё звенит. Не от кофе. От неё.

Дверь открылась тихо, но свет в гостиной ещё горел. Мама сидела в кресле с книгой — и по тому, как она подняла голову, я понял: ждала. Книга была перевернута.

— Я думала, к десяти, — сказала она.

— Мы засиделись. Извини.

Я стянул мокрую толстовку, повесил на крючок. Кроссовки поставил сушиться.

— Как Дэн?

— Что?

— Ты сказал, что идёшь с Дэном.

Чёрт. Забыл.

— Нормально, — сказал я, не оборачиваясь. — Всё нормально.

— Алекс, сядь.

— Мам, я устал. Давай завтра.

— Сядь.

Я вздохнул — громче, чем нужно, — и сел на диван. Не напротив неё, а с краю, ближе к выходу.

— Я не допрашиваю, — сказала она. — Просто...

— Просто что? Ты видишь то, что видишь, потому что ты следователь. Я знаю.

Она помолчала.

— Ты надел бордовую футболку, которую ненавидишь. Ты не ужинал. От тебя пахнет кофе, а не колой. Ты светишься.

— И что? — Я скрестил руки. — Я что, не могу выпить кофе? Не могу надеть футболку? Мне теперь отчитываться за каждый вечер?

— Я не прошу отчитываться.

— Тогда зачем этот разбор? «Футболка не та, кофе не тот, светишься»... Мам, мне семнадцать, не семь.

Мама смотрела на меня. Спокойно, без злости. И от этого было только хуже — как будто я бил в подушку.

— Я просто хочу, чтобы ты был осторожен, — сказала она.

— Я осторожен.

— Правда?

— Правда. Я не маленький. Я могу сам разобраться, с кем мне гулять и что пить.

Она откинулась в кресле. Пауза.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Разбирайся.

Я встал.

— Спокойной ночи.

— Алекс.

Я замер у двери в коридор.

— Я тебе верю, — сказала она. — Просто помни: я тоже когда-то была подростком. И знаю, как это бывает — когда внутри всё переворачивается.

Я ничего не ответил. Прошёл в комнату, закрыл дверь — не хлопнул, но закрыл плотно. Сел на кровать.

Я ничего не ответил. Прошёл в комнату, закрыл дверь — не хлопнул, но закрыл плотно. Сел на кровать.

Внутри было паскудно. Она же не нападала. Она просто волновалась. А я сорвался. Но правда в том, что я не знал, как по-другому. Если не огрызаться — она пройдёт сквозь защиту, как горячий нож сквозь масло, и вытащит всё: про Аврору, про канал, про «Восточный Феникс». А этого нельзя допустить. Не потому что я ей не доверяю. А потому что однажды она уже рискнула всем — и я не хочу, чтобы это случилось снова. Из-за меня.

Телефон молчал. Я открыл чат — тот самый, зашифрованный. Сообщение всё ещё висело: «Призрак, остановись. За тобой следят».

Кто следит? Аврора? Мама? Кто-то третий?

Я отбросил телефон на подушку и устался в потолок. Спать не хотелось. Думать — тоже. Но перед глазами всё равно стояли светлые глаза и кривая улыбка.

Мама сказала: «Я знаю, как это бывает».

Может, и знает. Но это не меняет ничего. Я сам разберусь.

Я ушёл в комнату. Дверь закрылась.

Лейла осталась в кресле. Книга лежала на подлокотнике — она так и не вспомнила, на какой странице остановилась. За окном шуршал дождь. В доме было тихо — только холодильник гудел на кухне да ветер иногда бросал капли в стекло.

Она посидела ещё минуту, потом встала. Отнесла чашку в раковину. Вымыла. Поставила на сушилку.

Бордовая футболка.

Кофе вечером. Он никогда не пьёт кофе вечером — говорит, что потом ворочается до утра.

И взгляд. Рассеянный, направленный куда-то внутрь. Так смотрят, когда внутри что-то происходит. Что-то, чем не делятся.

Лейла подошла к двери в подвал. Та была заперта. Алекс думал, что она не знает о его «кабинете». Знала. По ночам оттуда доносился гул системного блока, а однажды она спускалась, когда его не было дома, и видела провода, уходящие вниз. Просто не заходила. Уважала границы.

Сегодня — почти зашла. Взялась за ручку. Отпустила.

Вместо этого прошла в спальню. В шкафу, на верхней полке, за старыми коробками с документами лежал ноутбук. Она не включала его два года. Достала, протёрла от пыли, поставила на стол.

Экран загорелся. Пароль — дата рождения Алекса. Он бы смеялся, если бы узнал: бывший следователь по особо важным, а пароль как у школьника.

Ноутбук загрузился. Она открыла старые папки.

«Восточный Феникс».

Холод внутри — тот самый, что два года назад. Тогда она поклялась забыть это название. Ради Алекса. Ради их безопасности. Но если сын каким-то образом наткнулся на то же дело — она должна знать.

Пролистала файлы. Вот Романовский — на всех фотографиях с бокалом. Вот схемы подставных фирм. Вот скриншоты переписок, которые ей не дали приобщить к делу. Вот список тех, кто ещё два года назад работал на «Феникс» в сети. Хакеры, операторы, «призраки».

Имя мелькнуло в углу старого отчёта. Позывной: Призрак.

Призрак. Тогда, два года назад, этот человек пытался взломать сервер Романовского с другой стороны — не как она, не через следствие, а напрямую. Она думала, что это кто-то из конкурентов. Теперь уже ни в чём не была уверена.

Она открыла почтовый ящик. Набрала сообщение старому напарнику — Маркусу. Единственному, кто ещё оставался в системе и не боялся говорить.

«Мне нужно знать, кто сейчас работает по «Восточному Фениксу». Живой кто-то есть?»

Ответ пришёл через три минуты:

«Лейла? С ума сошла? Не лезь туда снова. У тебя пацан».

«У тебя пацан». Значит, Маркус знал больше, чем говорил.

«Мой пацан, возможно, уже влез туда сам, — написала она. — Помоги мне его вытащить. Я не для дела. Я для себя».

Долгая пауза. Потом:

«Завтра. В том же месте, что и тогда. В 12. Без телефона».

Лейла выключила ноутбук. Убрала обратно на полку, прикрыла коробками. Легла в кровать.

За стеной было тихо. Алекс, наверное, уже спал. Или лежал и смотрел в потолок — как она.

Завтра она начнёт копать. Тихо, осторожно, чтобы сын не узнал. Потому что если узнает — не простит. Но если она не полезет — может потерять его навсегда.

Из двух зол она выбрала то, с которым могла жить.

Встреча

В двенадцать она уже стояла у входа в старый сквер за зданием бывшего следственного управления. Место было так себе — облезлые скамейки, голуби, пара бомжей на дальней аллее. Но два года назад они с Маркусом курили здесь после допросов, и никто не подслушивал. С тех пор ничего не изменилось.

Маркус появился ровно в двенадцать ноль три. Он всегда опаздывал на три минуты — не из вредности, а из привычки проверять, нет ли хвоста. Похудел, осунулся, но глаза остались те же — цепкие, с прищуром.

— Принесла? — спросил он вместо приветствия.

Лейла похлопала по карману куртки.

— Без телефона. Как ты просил.

— Хорошо. — Он сел на скамейку, подвинулся, освобождая ей место. — Садись. В ногах правды нет.

Она села. Некоторое время молчали. Голуби дрались за хлебную корку у урны.

— Ты выглядишь... — начал Маркус.

— Не надо.

— Я хотел сказать «хорошо». Для человека, которого два года назад вышвырнули из органов с волчьим билетом.

— Спасибо, — сухо сказала она. — Ты тоже ничего. Для человека, который до сих пор там работает.

— Я не жалуюсь. — Он достал пачку сигарет, предложил ей. Она покачала головой. Он закурил. — Значит, пацан влез?

— Я не знаю точно. Но что-то происходит. Он стал скрытным. Не просто подростковое «отстаньте от меня». Он что-то скрывает. Что-то серьёзное.

— Что именно?

— «Восточный Феникс».

Маркус замер с сигаретой у рта. Потом медленно выдохнул дым.

— Ты уверена?

— Я нашла старые файлы. Два года назад был некто с позывным «Призрак». Он пытался взломать сервер Романовского — шёл с той же стороны, что и я, но другим путём. Тогда я подумала — конкурент. Сейчас я так не думаю.

— Почему?

— Потому что мой сын сидит по ночам в подвале. Пишет код. Свет от монитора видно даже сквозь щель под дверью. — Она помолчала. — И потому что у него появилась девушка. Я не знаю, кто она. Но когда я спросила, он соврал. Сказал, что гулял с Дэном. А Дэн болеет за «Лейкерс». Я проверила.

Маркус усмехнулся.

— Ты не меняешься.

— Меняюсь. Раньше я бы уже взломала его переписку. А теперь сижу и спрашиваю у тебя разрешения.

— Разрешения на что?

— На то, чтобы узнать, кто такой этот «Призрак». Жив ли он. Имеет ли отношение к моему сыну. И к девушке, с которой он был вчера в кафе.

Маркус затушил сигарету о подлокотник скамейки. Бросил окурок в урну. Мимо.

— Лейла, — сказал он тихо, — «Восточный Феникс» — это не просто банк. Ты знаешь. Я знаю. Романовский — только верхушка. Под ним — сеть, которая раскинута шире, чем мы думали. Люди, которые два года назад заставили тебя уйти, до сих пор там. И у них длинные руки.

— Я знаю.

— Если твой пацан действительно сунулся в это — он в опасности. Но если ты начнёшь копать, ты привлечёшь к нему ещё больше внимания. Ты это понимаешь?

— Понимаю. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Но сидеть и ждать я не могу. Я мать, Маркус. Не следователь. Мать.

Он выдержал её взгляд. Потом кивнул.

— Хорошо. Я узнаю, что смогу. По своим каналам. «Призрак» — я слышал это имя. Оно всплывало около года назад. Кто-то молодой, очень способный. Кажется, девушка.

— Девушка?

— По слухам. Но ты сама знаешь — слухи в нашей работе ничего не стоят. — Он встал. — Я выйду на связь через пару дней. Не звони мне сама. Я сам.

— Спасибо.

— Не благодари. Я твой должник. — Он сделал пару шагов и обернулся. — Лейла.

— Что?

— Будь осторожна. Следи за пацаном. Но не души его. Если он такой же умный, как ты, — он почувствует слежку и закроется ещё сильнее.

— Я знаю.

— Не знаешь. Ты всегда думала, что лучше всех знаешь, как надо. — Он грустно улыбнулся. — Но это твой сын. Не подозреваемый. Не забывай.

Она кивнула. Маркус ушёл — растворился за деревьями так же тихо, как появился.

Лейла осталась на скамейке одна. Голуби закончили драку и разлетелись. Ветер гнал по асфальту сухие листья.

Девушка. Молодая. Очень способная.

Та, с которой Алекс был вчера в кафе. Та, ради которой он надел бордовую футболку. Та, от которой пахло нагретой дождём кожей.

«Призрак».

Если это она — всё хуже, чем Лейла думала. Потому что одно дело — когда твой сын лезет в опасность сам, и совсем другое — когда его ведут. За руку. В темноту.

Она встала и пошла к метро. Нужно было возвращаться домой, готовить ужин, делать вид, что всё в порядке. Но внутри уже запустился механизм, который она не включала два года.

Она не будет давить на Алекса. Не будет допрашивать.

Она найдёт эту девушку сама.

Глава 4. Дурацкая бордовая футболка

Я захлопнула дверь квартиры и прислонилась к ней спиной. В коридоре было темно, но свет я включать не стала. Темнота — это нормально. Я привыкла.

Сумка упала на пол. Кожанка — следом. Стащила мокрые кроссовки и прошла босиком на кухню. Налила воды из-под крана, выпила стоя, глядя в тёмное окно. Дождь кончился, но стёкла ещё были мокрыми, и уличные фонари расплывались в них жёлтыми пятнами.

В голове крутился вечер.

Кафе. Саксофон. И он.

Я села напротив и сразу заметила футболку. Бордовая. Дурацкая. Она явно пролежала в шкафу год, если не больше — слишком новая на вид, слишком мягкая в складках, как будто её достали специально. Ради меня. Я поймала себя на том, что улыбаюсь. Он готовился. Семнадцатилетний парень стоял перед шкафом и выбирал, в чём пойти на встречу. Это было трогательно. Я запретила себе думать об этом и стала слушать.

Пока он говорил, я разглядывала его. Тёмно-русые волосы — волнистые, влажные после дождя. Он явно провёл по ним ладонью пару раз, пока шёл, и теперь они торчали в разные стороны. Мне захотелось поправить их. Я, разумеется, не стала. Карие глаза — тёплые, но с напряжением, как у человека, который всегда чуть настороже. Когда он слушал, он не просто кивал — он изучал. Меня. И от этого взгляда становилось не по себе. Не потому что страшно. Потому что он смотрел на меня, а не сквозь. Так на меня давно никто не смотрел.

Я отметила его губы — чёткие, с резко очерченной верхней линией. Нижняя чуть полнее. И подбородок твёрдый, упрямый. С таким подбородком спорят, даже когда неправы. Я заметила это ещё на крыше: он не умеет отступать. Даже когда надо бы.

Он был высокий, выше меня на полголовы, и сидел за столиком, чуть ссутулившись — не от неуверенности, просто привык быть выше всех и наклоняться к собеседнику. Футболка обтягивала плечи и руки. Не качок, но видно — тело тренированное, живое. От него пахло дождём и кофе, и когда он потянулся за чашкой, я заметила его пальцы — длинные, с тонкими запястьями. Пальцы пианиста. Или хакера.

А потом он сказал: «Потому что я не ищу кого попало». И посмотрел на меня. Прямо. Без вызова, но и без страха.

Я чуть не рассмеялась. Не над ним — над собой. Потому что он говорил это мне. А я... я не знала, кто я ему. И не знала, кто он мне. Но что-то внутри уже сдвинулось. Как будто тронулась стрелка прибора, который раньше стоял на нуле.

Я допила воду. Поставила стакан. Прошла в комнату, села на подоконник.

С улицы доносился шум проезжающих машин. В квартире было тихо — я жила одна и любила это. Никто не спрашивает, где была. Никто не ждёт. Никто не смотрит на часы. Раньше это казалось свободой. Сегодня — нет.

Я прокручивала в голове наш разговор. Как он рассказывал про мать — бывший следователь, ушла из органов после какой-то тёмной истории. Как он сказал: «Она однажды уже рискнула всем — и я не хочу, чтобы это случилось снова. Из-за меня». У него был такой взгляд, когда он это говорил, — не жалобный, не ищущий сочувствия. Скорее — как у человека, который взял на себя ответственность и несёт её молча.

Я узнала этот взгляд. Я сама так смотрела. В зеркало.

И когда он спросил: «А ты? Парень есть?» — я ответила «нет». И это была правда. Но дело не в парне. Дело в том, что я вообще никому не рассказывала о себе. А ему — захотелось. Не всё. Но что-то. Про крышу, про подземную станцию, про босса, который бесит. Я говорила и ловила себя на мысли: я не играю. Я просто сижу в кафе с парнем, который меня слушает. И это — настоящее.

Я встала с подоконника, подошла к зеркалу в прихожей. Свет уличных фонарей падал на лицо — светлые глаза, бледные веснушки, кривая улыбка, которой сейчас не было. Я смотрела на себя и думала: что ты делаешь, Аврора? Ты пришла на крышу с одной целью. А теперь сидишь и не можешь выкинуть из головы его дурацкую футболку.

Я выключила свет. Прошла в спальню. Легла поверх одеяла, не раздеваясь. Спать не хотелось.

Я думала о том, увижу ли его снова. Не на крыше — в кафе. Или где-то ещё. Я не знала, когда мы встретимся в следующий раз и будет ли вообще этот следующий раз. Но мне хотелось, чтобы был.

И это было самым странным за весь вечер.

Я закрыла глаза. За окном шумел город. Где-то там, на другом конце, Алекс Хэнкс, наверное, тоже не спал. И, может быть, тоже думал обо мне.

От этой мысли внутри разливалось тепло. Я не стала его глушить.

Глава 5. Невидимый

Школа встретила привычным запахом — смесью мела, столовской выпечки и мокрой одежды. После дождя все были взъерошенные, сонные, злые. Я прошёл через турникет, кивнул охраннику и двинулся к своему шкафчику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.